

Валентин Пикуль

В гостях у имама Шамиля

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

В гостях у имама Шамиля

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

В гостях у имама Шамиля / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Через тернии – к звездам)

«...История удивительная! В 1839 году в Александровский кадетский корпус, размещавшийся в Царском Селе, по приказу Николая I были помещены два мальчика. С первым все ясно. В глухом лесу разбойники напали на сторожку лесника, вырезав семью, но пощадив лишь мальчика и грудного младенца. Мальчик сумел выжить зиму, а своего брата подкладывал к оценившейся суке, которая и вскормила его своим молоком. Одновременно в кадеты был определен и первенец имама, раненный в руку во время погони...»

© Пикуль В. С.

© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль

В гостях у имама Шамиля

Историческая миниатюра

Владимирские уланы из Варшавы возвращались в Россию, минувя фольварки и местечки, города и села. Наконец открылась дивная картина Торжка, где полку предстояло разбить свои квартиры. Музыканты выехали вперед, уланы подбоченились в седлах, улицы наполнились народом, “кричали женщины “ура” и в воздух чепчики бросали”... А какой же улан без песен?

Улане, улане,
малеваны дети,
каждая паненка
за вами полети...

Торжок славился живописностью, пожарскими котлетами, обувью из сафьяна и гостеприимством жителей. Вечерами широко открывались двери богатого дома Олениных, людей образованных, с большими связями в обществе. А среди дочерей хозяина выделялась ангельской красотой Лизанька Оленина, которую учил грамоте дедушка Крылов, ее носил на руках Пушкин, с нею играл Брюллов, – все это было в доме ее деда А. Н. Оленина, славного дружбою с корифеями русского искусства... Уланы, впрочем, всегда уланы! Каждый бравировал безумной храбростью, пил шампанское, сочинял в альбомы девиц мадригалы, чуточку играл под Онегина или Печорина, надевая при этом маску разочарованности в жизни, чтобы успешнее привлечь внимание торжковских невест. Если же какой улан и пошатнулся, вставая из-за стола, он оправдывал себя строчками из Лермонтова:

А кто с утра уже не пьян,
Тот, извините, не улан...

Но один улан держался естественно, вина не касался, говорил редко и всегда по делу; возле пояса его красовался кинжал, не положенный улану по форме.

- Кто этот загадочный человек? – спросила Лизанька.
- Джемал-Эддин – сын Шамиля.
- Как? – удивилась девушка. – Того самого?
- Да, старший сын кавказского имама...

История удивительная! В 1839 году в Александровский кадетский корпус, размещавшийся в Царском Селе, по приказу Николая I были помещены два мальчика. С первым все ясно. В глухом лесу разбойники напали на сторожку лесника, вырезав семью, но пощадив лишь мальчика и грудного младенца. Мальчик сумел выжить зиму, а своего брата подкладывал к ошенившейся суке, которая и вскормила его своим молоком. Одновременно в кадеты был определен и первенец имама, раненный в руку во время погони... Александровский корпус считался приютом для всех обездоленных. Среди кадетов бывали даже дети в пеленках, которых к разводу выносили на руках дородные кормилицы в кокошниках. На Кавказе шла затяжная война с мюридами, и потому Джемал-Эддин, сын имама, привлекал к себе всеобщее внимание.

Подростком его перевели в Первый кадетский корпус, затем он прослушал курс лекций в Пажеском корпусе. Николай I хотел бы культивировать его природную “дикость”, оставив юношу при черкеске, папахе и кинжале, чтобы показывать “дикаря” иноземным послам. Но

из этого ничего не получилось. Джемал-Эддин забыл язык горцев, в совершенстве овладев русским и французским, а простреленная рука мешала ему владеть оружием. Сын Шамиля более склонялся к учености. Его волновали тайны электричества, а высшая математика стала его стихией. Лиза Оленина удивлялись, когда уланы рассказывали ей, что сыну имама ведомо одно наслаждение – в интегралах и формулах, ночи напролет он разрешает сложные задачи из алгебры...

Джемал-Эддин заметил внимание к нему девушки и полюбил ее. Лиза Оленина полюбила необычного улана. Они объяснились, а родители не стали возражать против их брака. Среди белых колонн старинного барского особняка, в аромате цветущих глициний так нежно и сладостно звучали слова юной девушки:

– Джани... мой дорогой и любимый Джани!

А за окраинами Торжка полыхали тревожные зарницы: там созревали хлеба, громыхали душные грозы.

– Это счастье, – говорил Джемал-Эддин. – Счастье, что я далек от той войны, которую ведет мой отец, я обрел в России свой дом, нашел прекрасные знания и встретил тебя...

Но в канун их свадьбы случилась беда. Кази-Магома, второй сын Шамиля, совершил набег на Цинандали в Кахетии, пленив по дороге целый обоз, в котором с детьми и гувернерами ехали в Тифлис княгиня Орбелиани и княгиня Чавчавадзе, родственные петербургской аристократии. Николай I вызвал Джемал-Эддина к себе и сказал, что Шамиль согласен обменять пленниц на своего первенца. “Такова воля Аллаха!” – неожиданно заключил царь. Но “воля Аллаха” была смертным приговором для Джемал-Эддина. Переговоры не привели ни к чему: Шамиль не хотел понять, что сын уже вполне чужой для него и для Кавказа. “Воздух наших гор сделает его снова чеченцем, – говорил старик, – и я передам ему священное знамя войны с неверными...”

На прощание император заявил сыну имама:

– Езжай! Царь не всегда имеет право быть человеком...

Именно так он и сказал. Гордость Джемал-Эддина возмутилась – он бежал, хотя в дачных пригородах Петербурга не нашлось ущелий, как на Кавказе, чтобы затаиться: его быстро поймали. Джемал-Эддин просил Николая I об одном:

– Хотя бы на один день отвезите меня в Торжок.

– Прямо на Кавказ! – указал император...

Шамиль поговорил с сыном, и, когда тот упомянул о таинственных силах электричества, имам посадил его в яму, куда ему и бросали еду, как собаке. Напрасно Лиза Оленина слала на Кавказ любовные письма – их перехватывали зоркие мюриды. Через кунаков, переходивших линию фронта, русские офицеры знали о страданиях Джемал-Эддина и жалели его... На Кавказе служил тогда брат Лизы, Алексей Петрович Оленин, – тот самый Оленин, который в лагере нижегородцев чувствовал Александра Дюма, описавшего пирушку в очерке “Нижегородские драгуны”. Алеша Оленин был другом Джемал-Эддина, и к нему-то обратился сын имама за помощью. С высот дагестанских гор пришла в лагерь записка на французском языке: Джемал-Эддин просил встретить его на передней линии огня с проводником, которого он вышлет. Темной ночью, ставя на карту свою жизнь, Оленин поскакал. Но близ аула его перехватил гонец: Шамиль узнал, что его сын готовит побег к русским, и Оленина ожидала в ауле засада. После этого случая унижения, насмешки и чахотка стубили сына имама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.